

*«Самая чудесная
способность души нашей»*

Эта книга, составленная из рассказов, присланных на конкурс «Радости и горести моего детства» издательства «Сибирская Благовонница», вместила в себя очень много разных впечатлений. И это не только чувства безусловной любви, вера и ожидание чуда. Это не только «летние родители» — бабушки и дедушки, беспричинная радость, «шиколадные» конфеты, сарафан в жёлтые ромашки, чай со вкусом лета и облаков, коровы и ёжики в друзьях, тёплые письма и праздники, но и первые опыты — если не мучительные, то всё равно неожиданно трудные: первые горестные потери, первая беззащитность перед болезнью, первые ошибки, первый страх и стыд, первая

утрата иллюзий... И тот самый момент, когда понимаешь: детство кончилось. Мы вырастаем, становясь серьезнее и сдержаннее, учимся быть эффективными, принимаем важные решения за себя и за других, выбираем бренды, следуем трендам, ведем нескончаемую борьбу за сомнительные блага и очень, очень устаём... И в этой маелной круговерти именно воспоминания — «самая чудесная способность души нашей», как писал Пушкин, — становятся спасением. Мы прячемся в них, как в убежище, это наш домик из подушек и одеял, наш хилый шалашик, что кажется крепостью. Там, в детстве, цвета — ярче, запахи — острее, радость — сильнее. «Всё выпукло!» И все ещё живы... С годами мы утрачиваем многое, что любили и умели тогда; память — такая цепкая и всё-таки такая ненадежная — упускает мелкие детали и черточки, и эти бесценные песчинки уносит течение времени. Но создаются и остаются тексты — как способ удержать, слова — как единицы хранения памяти.

Перед вами — около сорока таких текстов. Сорок рассказов о детстве разных авторов из самых разных мест России, Украины и Белоруссии: из Калуги и Ногинска, Бердичева и Старой Руссы, Острогжска и Бобруйска, Чебаркуля и Клявлино, Волгодонска и Твери... Давайте взглянемся в себя тогдашних — отсюда, с «берега повзрослевших людей».

Алиса Улычѳва

Татьяна Шипошина

*Солнечная мозаика,
или От нуля до семи,
с небольшими отступлениями*

О сарафанчиках

1

У меня был сарафанчик в жёлтые ромашки. Бабушка перешила его из старого халата моей тётки. Мне многое перешивала бабушка из одеяний моих тётушек, маминых сестёр. Тётушек имелось целых четыре, и ни у одной из них не было дочки. Только

сыновья. Но я сейчас не об этом. А о том, что мой сарафанчик с жёлтыми ромашками постепенно исчезает из жизни. Потому, что из жизни исчезаю я сама. Я становлюсь старше, старше, старше, и...

Каждый знает, что там, за этим «и».

Я не совершила никаких государственных переворотов, никаких таких особенных дел, у меня нет никаких системных открытий, чтобы остаться в памяти поколений. Но даже если бы я и совершила что-либо, то мой сарафанчик с жёлтыми ромашками всё равно покинул бы этот мир вместе со мной. Кому какое дело до какого-то жёлтого сарафанчика? А у него была пышная юбочка. «Присборенная», как сказала бабушка. Я сразу стала кружиться, как в балете. Балет! Я видела его в кино (телевизоров в домах простых людей тогда не водилось).

Балет — это так здорово, так прекрасно! «Лебединое озеро»!

Как и сейчас, я была натурой увлекающейся и большой фантазёркой. Способной увлечь кого-то ещё.

И вот уже весь наш двор начинал танцевать «балет»! Мы, то есть дети двора от пяти до восьми лет, «красиво» тянули руки вверх, делали «ласточку» и прочие «балетные» движения.

А также пели «балетную музыку» (об этой музыке хотелось бы рассказать особо, но в данном

Солнечная мозаика

рассказе — она только составная часть повествования).

Эти танцы казались нам самым прекрасным балетом. И никто не мешал нам фантазировать...

Дня три танцевал весь наш двор, даже мальчишки!

Вот что сотворил сарафанчик в жёлтые ромашки с пышной присборенной юбочкой.

И что?

К чему я рассказываю это?

К тому, что о нашем «балете», вероятно, помню сейчас только я одна. Почти все «тогдашние» дети или погибли, или умерли.

Когда умру я, со мной умрёт этот «балет».

2

К чему я это рассказываю?

К тому, что мой сарафанчик и мой «балет», а также «ботиночки», «машинки», «войнушки», «бирюльки», книжки, тетрадки, берестяные грамоты, папирусы, глиняные таблички, друзья детства и самые, казалось бы, незначительные, уходящие в небытие мелочи огромного количества людей, когда-либо проживавших на нашей планете, доказывают одну очень важную вещь.

Так же, как и все уходящие в небытие мелочи юного, взрослого и стареющего человеческого существования всех когда-либо живущих

на Земле людей, они доказывают существование Бога.

Почему? (Вероятно, это спросит атеист или некто, сомневающийся во всём.)

Потому, что не может быть ухода в небытие такого огромного, не поддающегося воображению количества важных вещей.

Бог, как творящий любовью, не может не содержать в Себе и мелочей. Как и более крупных вещей, и важнейших вещей. Просто — всему своё место.

Но я очень рада, что о моём сарафанчике помнят как минимум двое — Бог и я сама. И даже если Бог решит закрыть от меня это воспоминание, Он Сам будет о нём помнить. Ровно столько, сколько надо.

Возможно — бесконечно.

Вы спросите: возможна ли бесконечная память?

Думаю, да. Поскольку Он — бесконечен.

И тогда песнопения панихиды «Вечная память...», в которые сложно поверить, на лету обретают смысл...

«Войнушка»

1

Я родилась через восемь лет после окончания войны. Память войны в народе оставалась

Солнечная мозаика

ещё очень свежей. Ещё многие пережившие войну оставались живыми.

Так же, как и жёны тех, кто не вернулся.

Мы, дети, ещё слышали рассказы «из первых уст».

Ну и часто сами играли в «войнушку». Причём это были игры-спектакли, игры «в лицах».

В них находилось место не только мальчишкам, но и девчонкам, на традиционно «женских» ролях. Девчонки играли роли боевых санитарок, а также жён мужественных солдат.

В обязанности жены входило ожидание бойца с фронта, встреча бойца, приехавшего в отпуск, подготовка праздничного обеда и пр. Случались и поездки к бойцу в госпиталь, если он был ранен, а также получение похоронок и горькое, со слезами и воплями, оплакивание погибшего.

В тот раз мне досталась роль жены.

Мальчишки бегают, стреляют, а я и другие «жёны» готовим обеды в игрушечной посуде. В «посудке». Мало кто может похвастаться настоящей игрушечной «посудкой»! У меня, например, её нет. Поэтому в дело идут черепки, разбитое блюдо, поломанная мыльница и ещё кое-что, по необходимости. В тарелки крошатся листики и цветочные лепестки. Подсыпается песок, кладутся камешки.

И тут приходит «гонiec» с фронта и объявляет, что мой «муж», Колька, пал смертью героя. Закрыл своей грудью вражескую амбразуру.

Я не очень хорошо понимаю, что такое «амбразура», но сразу начинаю «горевать» по полной программе.

Я во весь голос воплю:

— Ох, милый мой! На кого же ты покинул меня и трёх наших детей! Дочь Эльвиру, дочь Альбину и дочь Серебрину! Как же я буду без тебя жить!

Я падаю на землю и стучу по ней кулаками, продолжая вопить. Другие «жёны» поднимают меня с земли, успокаивают. Дают мне попить водички.

Я воплю так, что даже бойцы с уважением смотрят на меня, на минутку оторвавшись от «боёв».

Все эти слова, которые я кричу, детвора слышала не раз — похороны в нашем дворе случались нередко.

Тётя Варя высовывается из окна и кричит в нашу сторону:

— Эй, мелкота! Что случилось? А ну, перестаньте орать!

Я сбавляю обороты.

Одна из «жён», Людка, самая старшая, которой уже восемь лет, отводит меня на лавочку, усаживает и говорит:

Солнечная мозаика

— Ну, посиди немножко. Бабушка говорила, что время — лечит.

2

Нет, меня время не хотело лечить!

Прошла минута, потом — пять минут, потом — десять, и никакое время меня не вылечило!

Мне очень, очень жалко погибшего «мужа». Я не играю, я просто превращаюсь в бедную вдову.

У всех моих тётушек на войне погибли мужья. Мой дедушка пропал без вести. А это значит, что никого из них больше нет. На всём белом свете — их нет.

Не-е-е-ет!

Я представляю себе это так живо, что слёзы ручьями начинают литься из моих глаз.

Я сижу, причитаю и плачу — я, бедная вдова, осталась с тремя дочерьми на руках... с Эльвирой, Альбиной и Серебриной! Да как же я буду дальше жить?

Сколько таких рассказов и причитаний я слышала...

От тётушек, от соседок, от бабушки.

Я сижу и долго, очень долго для пяти лет, безутешно плачу. Наконец я сползаю со скамейки и иду к тому месту, где оставила «посудку».

Надо же кормить детей! Надо борщ варить! Надо ехать, искать могилку мужа...

Возле «посудки» никого нет. Только мои черепки стоят сиротливо.

Тогда я нахожу одного из бойцов и начинаю объяснять ему:

— Товарищ командир, я жена погибшего Кольки. Хочу найти могилку, где он похоронен. — Тут я снова начинаю плакать и вопить: — Он погиб, как герой! Он ам... ам... зуру закрыл! А я осталась одна с тремя детьми... У-у-у... С Эльвирой, Альбиной и Серебриной... У-у-у...

Тут «товарищ командир» и ещё несколько «бойцов» начинают хохотать как ненормальные и показывать на меня пальцами:

— Тю! Дура!

От непонимания и удивления дыхание моё останавливается:

— А... что?

Один из бойцов перестаёт хохотать и наконец говорит:

— Кольку твоего и Пашку давно обедать позвали. Людку бабушка забрала, а Светка домой сама пошла. Мы больше не играем! Давно уже! А ты... ты...

— А она пойдёт могилку Колькину искать! Ха-ха-ха!

Солнечная мозаика

И снова мальчишки начали хохотать, держась за животики.

Я поняла, наконец. Мне очень, очень хотелось плакать. Но, видимо, «бедная вдова» выплакала все слёзы. Я отвернулась от бойцов и пошла.

Куда глаза глядят.

Именно туда, и никуда больше. Или меньше.

3

Почему я запомнила именно эту «войнушку», а никакую другую?

Ну, во-первых...

Ох, как неприятно отделять «первых» от «вторых»! И «во-первых» от «во-вторых»! Потому что — не делится. Даже на два. Не отделяется.

Как в анекдоте о том, что Джо не придёт на встречу. Почему? Во-первых, во-вторых, в-третьих... ну а в четвёртых — он умер.

Джо не придёт.

Если вас позвали на обед, разве вы вспомните о том, что посадили кого-то на скамейку, чтобы плакать?

«Это же игра!» — скажете вы.

Ну и что? Игра или не игра...

Каждый человек помнит о себе. В первую очередь — о себе, и во вторую, и в третью, и в двадцать пятую — о себе.

Редкие уникамы помнят не только о себе.
С какой попытки каждый вспомнит о других?

С разных.

Редчайшие люди сначала помнят о других,
а потом о себе. Сколько раз им приходится слы-
шать в свой адрес что-то совершенно презри-
тельное:

— Эй, ты, «мать Тереза»!

Или:

— Тебе что, больше всех надо?

Или просто:

— Зачем это тебе? Выделяешься? Хочешь
быть лучше всех?

Такие вопросы не имеют ответов. Стимул
к тому или иному действию идёт изнутри. Ино-
гда человек не успевает даже подумать, что-то
взвесить.

Он там, внутри, просто знает: «Надо так.
И скорее, а то будет поздно. Именно эту амбра-
зуру я сейчас прикрою своей грудью, потому что
больше нечем».

А вслед ему полетит полный набор вопросов:
«Тебе что, больше всех надо? Зачем это тебе?
Да ты ж помрёшь!» И прочее.

Может, найдётся кто-то... ну, который по-
завидует. Но он будет завидовать тихо. Пото-
му что даже громкая зависть или просто сочув-
ствие к некоторым подобным героям — чреватые.

Солнечная мозаика

Чем?

Да тем, что сам попадѣшь под град вопросов, насмешек, а то и отвержения.

Выгонят из стаи...

У каждого в жизни найдѣтся подобный случай. Когда что-то произошло впервые. Когда в первый раз вы почувствовали себя оставленным и преданным.

Будьте уверены — после первого случая последует второй. Третий. Седьмой. Сколько раз русский наступает на одни и те же грабли? Да и не русский — тоже. Этот процесс не зависит от национальности.

Нет, амбразуры закрывает не каждый человек. И не каждый день. Тот, Кто прикрыл собой весь наш грешный мир, был Единственным.

Он был ОДИН на всю массу живших и живущих. Он был не только человеком — Богом. Богочеловеком. Такие вот критерии. Просто-му человеку, даже герою, не под силу прикрыть собой весь мир — эту огромную, огнедышащую амбразуру. Святых — тоже немного, по сравнению с общим числом людей. Немного и героев. Представьте себе, как больно... как больно, когда гвозди в ладони... в ноги, а копьѣ — под ребро. На Кресте висеть... Зная, за кого. Зная, почему. А они кричат всё то же, с небольшими нюансами:

«Тоже мне, царь Иудейский! Ишь, мёртвых исцелял! Себя с Креста сними!»

4

Во-вторых или во-первых. Вот ещё что. Если вы уже «не играете», не повод ли это посмеяться над тем, кто «ещё играет»?

Вероятно, многие помнят тот случай из своей жизни, когда они впервые были не только оставлены и преданы, но и осмеяны.

Людам обязательно нужен кто-то, над кем можно посмеяться. Нужен кто-то, на кого можно и даже приятно показывать пальцем.

Лучше всего это делается коллективно.

Тот, кто «ещё играет», — очень даже подходит для этой цели. Тот, кто остаётся верным, когда все уже играют по другим правилам.

Иногда «верный» — повод не только для смеха, а и для казни.

Сплошь и рядом. От староверов до сталинских лагерей.

О лагерях

1

Мне исполнилось лет пять или шесть, когда это произошло. Я не ходила в детский садик — меня «смотрела» бабушка Шура, папина мама. Про бабушку — отдельная история.

Солнечная мозаика

А сейчас про то, что в тот день мы сидели дома с бабушкой, пока родители были на работе. Раз я дома — значит, в школу ещё не хожу. Ведь мои родители — учителя и школа как раз являлась их работой.

Утро, солнце лучами пронизывает комнату. Я — в комнате, бабушка — на кухне. Стук в дверь.

— Сейчас, сейчас, — торопится к двери бабушка, вытирая руки о фартук.

Я тоже выглядываю и вижу, как бабушка отступает от двери. И лицо у неё... такое... такое...

— Грышка, — говорит бабушка. — Грышка, ты?

Бабушка родом из Полтавской губернии, Кобылякского уезда, волости Кишенки. Так написано у неё в «метрике». Но она этой волости не видела и не помнила. Она мне даже рассказывала о своём первом детском воспоминании: всё их семейство на арбе едет в Крым, через Перекоп. Бабушка Шура всегда говорила, что она из запорожских казаков, которые когда-то переместились в Полтавскую губернию. А вот почему семья бабушки переехала из Полтавщины в Крым в 1906–1907 годах, я не знаю до сих пор. Это я к тому, что украинский говор слышала с самого раннего детства и так говорила сама, когда была маленькой.

На пороге комнаты появился высокий, мощный, слегка сгорбленный мужик. Лицо тёмное,

какие бывают у рыбаков. Седые, выющиеся волосы. Глубокие носогубные складки. В руке торба.

— Я, — прохрипел мужик. — Я, Шурка.

Бабушка и этот мужик обнялись.

— Садись... я сейчас...

Бабушка захлопотала, стала ставить на стол жареную рыбу, помидоры, огурцы, графинчики, гранёные стограммовые стаканчики.

— Не суетись. — «Грышка» взял бабушку за руку. — Не торопись, Шурка. Я никуда не спешу.

— Танька, а ну, марш отсюда, — махнула на меня полотенцем бабушка.

— Внучка? — спросил мужик.

— Внучка. Вовкина, — ответила бабушка.

Тут я, чтоб не вертеться у бабушки на глазах, юркнула под стол.

У нас — замечательный стол. Круглый, на четырёх ногах. Между ножек стола — перекладины. И ещё две перекладины — поперёк, по диаметру. Вот на этих перекладинах я сиживала, и не раз.

Картину дополняла тканая скатерть из чёрных и жёлтых нитей. А вот поднимите-ка руку, у кого в доме не водилось такой или подобной скатерти! Да ещё с кистями!

О, сколько сказок и историй прожила я под столом, на перекладинах, прикрытая жёлто-чёрными волшебными кистями!

Солнечная мозаика

Сначала я пыталась понять, о чём беседуют бабушка и мужик, но понимала только обрывки фраз и слов. «Лагерь», «всё, нахлебался, хватит», «и Шурка там, может быть», «а где ж ещё»...

Сидя под столом, я улетела в свою очередную сказку про принцессу и злых разбойников, которые прятались возле ботинок «Грышки». Больших таких, потрёпанных ботинок.

Наконец ботинки зашевелились, и я выползла из-под стола.

Мужик обнял бабушку ещё раз и ушёл.

2

Бабушка...

Моя хлопотливая бабушка почему-то не кинулась убирать со стола, как всегда, а сидела на стуле, положив руки на скатерть.

По её лицу текли слёзы.

Она не плакала, не рыдала, не всхлипывала, а просто слёзы текли и текли.

— Ба, ты чего? — ластилась я к бабушкиным коленям. — Ба, ну не надо! Ба, перестань! Это Грышка тебя обидел? И чего ему надо?

Бабушка потрепала меня по волосам:

— Сейчас, Танька... сейчас перестану...

Бабушка поднялась, и начала медленно собирать посуду.

— Матери не говори! — звякнула тарелкой бабушка.

— Почему?

— Да она же коммунистка. Её наказать могут.

— За что?

Бабушка вздохнула и ничего не ответила. Только потом, когда начала мыть посуду, сказала:

— Это брат деда твоего. Родной брат. Он к немцам в плен попал и в лагере у них сидел, до конца войны. А потом в нашем лагере сидел. На Севере сидел десять лет. Понимаешь, что десять лет?

Я умела и читать, и считать. Мне ведь уже скоро в школу! Десять лет... Это же даже больше, чем Людке! Ей восемь!

— В лагере? — не поняла я. — Десять лет? Это как?

— Да так. Тюрьма такая.

— Почему?

— Да кто ж его знает, почему... говорит, и дед твой в плен попал, скорее всего. Муж мой, понимаешь? Может, и он... сидит где-то ещё...

О, я понимала! Я стала обнимать бабушку, что-то ей говорить... Мы обе плакали, сидя на нашей кухне...

3

Следующие пояснения не относятся к раннему детству. Но пояснения, наверно, нужны. Моя

Солнечная мозаика

бабушка получила бумагу о том, что муж «пропал без вести», в возрасте сорока лет. В пятьдесят — она стала моей бабушкой и переехала из своей полуразваленной хаты жить к сыну, к моему отцу. Сначала — в съёмную комнату, потом — в ту самую квартиру в старом барском доме, в которой прошло моё детство.

Многие мужчины предлагали бабушке замужество. Она была хороша собой, умела и готовить, и шить, и петь. И жить.

Но бабушка всем ухажёрам отвечала так: «Я мужа не хоронила. Не видела, что он в земле лежит. Не вдова я...»

Бабушка ждала. Ждала своего Шурку с возраста сорока лет и до самой смерти.

В детстве мне казалось, что сорок лет — это ужасно много. Сейчас я считаю иначе. Моему старшему сыну — сорок. Он так юн...

Шурка и Шурка, Александр и Александра, дед и бабушка, светлая и вечная память вам, мои дорогие.

Сведения о дедушке пришли поздно, когда бабушки уже не было на свете. Дед действительно попал в немецкий плен и какое-то время находился в лагере военнопленных под Житомиром.

Была какая-то поисковая группа в Житомире, от которой нам пришло письмо. Они раскопали сведения о том, что дед якобы бежал из лагеря,

но был пойман. (Судя по рассказам бабушки, каким был её Шурка, а мой дед, — он должен был бежать! Но об этом — позже.)

Следующие сведения о деде — из Германии, лагерь Айзенах. Место и ряд, где находится его могила. Всё на специальной карточке, с немецкой точностью. И отпечаток пальца деда — там же.

Я не доехала до Германии.

Мешает что-то. Тяжело слышать немецкую речь.

4

О лагерях читано-перечитано, просмотрено-пересмотрено...

Из песни слов не выкинешь. Это всё творили мы, люди. И творим.

Как же противостоять злу? Злу настоящему, неприкрытому, декларируемому? Злу, принятому как должное, как образ жизни, как государственная политика?

Злу вооружённому — против тебя, голого, незащитного, маленького человека? Не очень умного, не очень сильного, ранимого, слабого?

Лагерь, бараки, печи... Голод, холод, издевательства...

Как не упасть, не превратиться в полное дерьмо?

Сплошные вопросы.

Солнечная мозаика

А если принять происходящее с тобой как благу для тебя Божию волю?

Низость происходящего проявляет низость человеческую. Но иногда... иногда, редко, проявляет такую высоту человеческого духа, перед которой хочется встать на колени.

Два пути перед нами: путь Христа и путь Иуды.

Только так, не иначе.

Правда, всё это происходит в разной степени, с разными вариациями...

В зрелом возрасте судьба свела меня с последним оставшимся в живых узником Сухановской тюрьмы Семёном Самуиловичем Виленским. Этот замечательный человек, «колымчанин», собирал и издавал, по возможности (а практически — без возможностей), мемуары «сидельцев», «лагерников», «ссылных».

Так вот, в его комнате стояли шкафы, от пола до потолка, вдоль всей стены. И на всех полках — рукописи.

Однажды он показал мне рукой на эти шкафы и сказал:

— Вот, смотри. Эти три шкафа и половина четвёртого — тут о том, какой следователь зверь и дурак, а я — умный, стойкий и храбрый. А вот тут, эти три полки, — тут, понимаешь, правда... Вот эти бы издать, хотя бы половину...

Вера

1

«Наружной» веры в нашей семье не существовало. Все — атеисты. Мама — коммунист, историю преподаёт. И обществоведение. Ни папа, ни бабушка религиозных речей не ведут.

Только на Пасху приходит тётя Лиза. Вроде как — к бабушке. Тётя Лиза — двоюродная сестра моего отца, дочь бабушкиной сестры. Вернулась из Германии, куда её, ещё совсем девчонкой, угоняли вместе с мамой, бабушкиной сестрой.

Тётя Лиза приносит кулич и крашеные яички.

Под большой тайной бабушка даёт мне попробовать подсохшего кулича и яичко с помятой скорлупой и белком, окрашенным в розовый цвет.

— Христос Воскресе, — вздыхает бабушка.

Я молчу.

— Говори: «Воистину Воскресе!»

— Зачем?

— Так надо.

Если бы я не любила бабушку — ни за что бы не сказала. Я упрямая. Родители мной недовольны. Я нарушаю дисциплину, не слушаюсь, грубо отвечаю. И вообще.

— Воистину Воскресе!

Солнечная мозаика

— Ну, беги!

Это сейчас я понимаю, что любила бабушку, и потому...

А тогда... На уровне рефлекса. Когда грубить, кому грубить, что повторять, а что — ни за что...

2

Один раз... Может, перед школой, а может, классе в первом.

Мы с девчонками со двора пошли в церковь. Просто так, в будний день, днём. Конечно же летом. Поглазеть.

Потому что всё запретное — манит.

В церкви никого не оказалось. Даже «дежурная бабушка» куда-то отлучилась. Только таинственные церковные своды, полумрак, запахи и луч солнца из-под купола. И мы, загорелые местные девчонки.

Ух, как сердце стучало, когда мы разбрелись по храму. Здорово как!

А кто самый упрямый или самый «отчаянный»? Танька.

То есть я.

И вот я по лесенке поднимаюсь и прямо в открытые ворота. Это теперь я знаю, что это «ворота». Тогда я просто шла на свет. На сияющую красоту. Видимо, дело было после Пасхи — ворота оставались открытыми.

И вот тут появились «бабушки». Сразу две. И кричат мне:

— Назад, назад! Нельзя! Тебе туда нельзя!

Конечно, я сразу выбежала. И меня, и всех девчонок быстренько прогнали чуть ли не пинками. Обозвали «богохульницами» и всякими другими словами. А мне и подзатыльник отвесили.

Но я — там была. В алтаре.

Куда женщинам входить запрещено. Только монахиням.

У кого только я потом ни спрашивала, что бы это могло означать для меня, — все говорили по-разному. В том числе и священники.

Начиная с того, что я буду за это жестоко наказана (о чём я вспоминала, когда смертельно болела), до того, что это был особый знак: я свяжу свою жизнь с церковью.

Скорее всего, и то, и другое мнение верно.

Но чаще всего мне говорили что-то вроде: «Не заморачивайся».

Третьему мнению я всегда кивала, поддакивала — верила... и не верила.

3

Отступление от семи лет.

В 14 лет я тяжело заболела.

Мама со смущением рассказала мне, что просила кого-то «за меня свечку в церкви

Солнечная мозаика

поставить». Для мамы это было, наверно, подвигом.

— А этот дурак, дядя Ваня (верующий муж папиной сестры тёти Лизы), говорил, что ты заболела потому, что мы Бога забыли и в церковь не ходим!

Дядя Ваня — серб по национальности, в церковь ходил и тётю Лизу за собой водил. Был он человеком простым, необразованным.

Никому не указ, что говорит какой-то дядя Ваня. Не авторитет.

Но почему-то эта фраза как будто въелась в меня. Не забылась.

Наверно, мы и вправду напрямую не выбираем, что надо забыть, а что — помнить. Однажды увидела во сне своего отца. Отец был крещён в детстве. Верующим не был, хотя в партию вступать не хотел.

И вот вижу я своего отца, восстающего из могилы в страшном виде. И как только он встанет, так что-то тянет его опять вниз, а затем всё повторяется вновь.

— Папа, папа, как мне тебе помочь? Что мне сделать? — кричу я.

Тут появляется высокая женщина, одетая в белое, берёт меня, как котёнка, за шиворот и говорит мне:

— Сколько же можно тебе твердить и тыкать тебя носом, чтоб ты, наконец, пошла в церковь и положила двенадцать земных поклонов перед Господом! За себя и за всю свою неверующую семью!

Я проснулась. Сон был такой силы, что я вышла на кухню, упала на колени и стала молиться за себя и за свою неверующую семью. Но особого облегчения не наступало — ведь я была некрещёной.

Надо было помочь отцу! Но как?

В тот момент я и вспомнила, как поднималась по ступенькам туда, откуда шёл свет.

«Нам не дано предугадать» не только то, как отзовется наше слово, но и то, как отзовутся в нас какие-то действия, чувства, эмоции, пережитые в почти забытые времена детства.

И я пошла креститься, не совсем ещё понимая, что делаю. Не по каким-то особым знаниям, а чтобы положить эти двенадцать поклонов — именно в церкви.

Что и сделала, когда осталась в церкви одна. После крещения. И правда полегчало чуть-чуть. Картина страшного сна меня оставила.

Понятие же об основах веры и воцерковление пришли значительно позднее. Но это — совсем другие истории...

Валентина Калачёва

Дочка Снегурочки

Детство у меня было волшебное. Доказать?

Вот спорим, что вы Новый год встречали всего раз в году, затаив дыхание, предвкушая нечто неожиданное и оригинальное, нечто такое, что случается редко и во что иногда даже не верится?

А для меня это событие напоминало праздничный конвейер. Если прибегнуть к математической точности, то Новый год я отмечала пятьдесят один раз. С 25 декабря по 10 января, три раза в сутки. И всё потому, что со Снегурочкой меня связывали родственные отношения. Мало того — я от неё родилась!

Моя мама зимой всегда была Снегурочкой! Ну и если вы в состоянии проделать нехитрую операцию «один плюс один», то догадаетесь, что Дед Мороз приходился мне прадедом. Имея такой завидный блат, не мудрено провести Новый год в шоколаде. По уши. Но об этом чуть позже.

Дело в том, что моя мама служила в театре. Актрисой. Хотя нет, в детстве я полагала, что она трудилась в раю. Вот вспомните, чем занимались на работе ваши родители, когда вы были маленькими? Правильно, они там скучали. Тратили время на всякую ерунду. Писали бумаги, листали книги без картинок, с серьёзным лицом вели скучные разговоры... Фасовали, чинили, строили, хмурились, шили, учили, повышали голос, чертили, писали, нервничали, всплескивали руками с криком «Отчёт! Горит отчёт!»...

А моя мама играла в куклы! Ну что? Здорово? То-то. У неё их было столько, что хватило бы на целый игрушечный магазин. Там были марионетки, тростевые, перчаточные, пальчиковые и ростовые куклы, и все они умели говорить, петь, смеяться и плакать... Вот такая славная работа была у моей мамы! Мечта, а не работа. И эта мечта не заканчивалась. Ведь когда мы сидели дома, мне тоже никогда с ней не было скучно.

Все сказки мне читались по ролям, все рассказы и стихи декламировались в лицах. Так что

Дочка Снегурочки

я точно знаю, как звонко пела Красная Шапочка и как заразительно смеялся Карлсон. Вы об этом только догадывались, а я знала наверняка. Мама мне открыла эту тайну. Вот так.

В общем, каждую зиму мама моя снегурила не на страх, а на совесть. Три «ёлки» в день. На завтрак. На обед. И на ужин. И вместе с ней я водила хороводы, пела песни, встречала Деда Мороза и, главное, получала подарки, которые укладывались Дедушке в мешок в соответствии с проданными билетами, но... Кто-то из детей заболел, кто-то уезжал, кому-то мешали «прийти на ёлку» какие-нибудь жизненные обстоятельства. Поэтому невостребованные сокровища из мешка доставались «правнучке», т.е. мне.

Жила я... Чтобы все так жили! Я всё время становилась владелицей бесчисленного числа пластмассовых самолётиков, корабликов, зайчиков, мишек, машинок и, конечно же, конфет. Шоколадных.

Теперь вы понимаете, что шутка про блат и шоколад — это совсем не шутка! Снегурочка выходила к детям очень красивой. У неё была снежно-белая шубка, расписанная голубыми узорами. Такими, какие появлялись в декабре у нас на окнах. Если к ним внимательно присмотреться, то можно было заметить кое-что удивительное: они никогда не повторялись. Я проверяла.

Ходила к бабушке в комнату. Ходила к тётё в комнату. Рассмотрела окна в нашей комнате. Точно! У бабушки жар-птица. У тётёи будто блюдо такое, «гжель» называется. Это когда голубенькие цветочки по белому полю рисуют. А у нас на окне папоротник цветёт. Не иначе. Это же какой талантливый должен быть Художник, чтобы расписать столько окон и ни разу не повториться!

А у Снегурочки на шубе были будто бы солнышки, похожие на те, которые вышиты на полотенцах, висящих в нашем краеведческом музее. Я знаю, как это называется. Слышала, как мама тётёе Кате говорила: карельский компонент! Это когда мы должны помнить, что мы живём в Карелии, а наши предки умели вышивать солнышки такой причудливой формы. Белой ниткой по яркой красной тряпочке. А чтобы нам об этом не забыть, эти узоры можно нарисовать ещё где-нибудь. Вот, например, на снегурочковой шубе.

Дочка Снегурочки должна была, конечно же, соответствовать своей маме, поэтому выбор новогоднего костюма для нашей семьи был очень ответственным делом. Не пойдёшь ведь на праздник кикиморой какой.

— Валечка! Давай мы сошьём тебе костюм карельской девушки! — восторженно восклицала бабушка. — У меня есть замечательная бронзовая

Дочка Снегурочки

фибула, оставшаяся от твоей прабабушки. Ты будешь неотразима!

Ишь ты, фи-бу-ла! Слово-то какое... странное. Даже не знаешь, что и подумать. На самом деле — ничего странного. Это, как оказалось, всего лишь красивая круглая брошь, украшенная мелкими листиками, с большой иглой для скрепления одежды. Ценная вещь, кстати, историческая. Бабушка даже что-то из «Одиссеи» цитировала для подкрепления своей позиции: дескать, древнегреческий герой Одиссей к пурпурному плащу прикреплял золотую фибулу с псом, который хотел загрызть трепетную лань. Кошмар! Ему, наверное, все завидовали: штука из чистого золота, на солнце блестит...

Но скажите на милость, при чём здесь Снегурочка, а? И разве может у Снегурочки быть дочка — карельская девушка, да ещё и с фибулой?! Ну уж нет! Так дело не пойдёт.

Бабушка охала, нехотя соглашалась, и мы принимались сооружать костюм снежинки. Доставали марлю, как-то её кроили, варили, расписывали красками, расшивали блёстками, украшали мишурой. Я постоянно примеряла части костюма, вертелась перед зеркалом и зорко следила за тем, чтобы дочка у Снегурочки оказалась не промах.

Мама разучивала со мной новогодние стихи. И это было совсем не скучно. Многие дети в моем

детском садике хмурились и тянули: «Фу-у-у! Опять стихи учи-и-и-ить...» Как будто тяжёлую сумку из магазина тащить, когда колбасу в продажу выбросили или курицу, там, — «три штуки в одни руки». Со мною и бабушкой рук получалось в два раза больше. Соответственно, и куриц тоже. Тяжело, да, не скрою. Я б эту авоську не подняла никогда! Да и бабушка тащила её с героическим выражением лица.

Или вот кашу манную есть — это тоже истинное наказание! Специально придумали эту кашу, чтоб детей воспитывать. В смысле, дать понять, что в мире не всё так здорово и лучезарно: мама с папой, бабушка с дедушкой, лето на даче с любимой тётей, пустырь с лиственницами перед домом, парк Кадриорг в Таллине, где настоящие лебеди плавают, карусель у Онежского озера, мороженое, велосипед... Нет! Вот ещё манная каша есть. Типа трудность, которую надо несколько раз в неделю преодолевать и закалять характер, да? Но ведь стихи — не каша! Я долго думала-гадала, чего это дети бывают так недовольны? Может, дело в том, что стихи какие-то не такие? Может, их заставляют учить совсем не новогодние стихи, а какие-нибудь... похоронные?

Вот помню, соседа дедушку Вову хоронили, так там дядя Федя декламировал: «Товарищ!

Дочка Снегурочки

Верь! Взойдет! Она! Звезда! Пленительного! Счастья!» Какое уж тут счастье? Печально. Был дедушка Вова — и нет его. Никто не спросит: «Как дела, кучерявая?» — и свистульку из прутика ивового не сделает. И звезду пленительного счастья он не увидит. Ну как там она взойдёт...

Но бабушка меня заверила, что дедушка Вова жив. Потому что у Бога все живы. Про Бога я уже знаю. От бабушки. Это Тот, Кто создал всё вокруг и хочет, чтобы у нас всё было хорошо. Только Его почему-то не очень любят. Так странно... Вот мы когда что-нибудь хорошее сделаем, нас хвалят и благодарят. А тут — Он целый мир сотворил, да такой здоровский, а о Нём ни гу-гу. Мама с папой про Него не говорят. Папа только однажды икону откуда-то принёс, над телевизором повесил и сказал маме: «Мы в свободной стране живём. Вот хочу и вешаю. Чтоб коммунизм рухнул!». Что такое коммунизм, я не поняла, а спрашивать не стала. Папа бы расстроился. Такое лицо у него было, когда он про него говорил. И в садике, например, никогда нам про Бога не рассказывают. Хотя могли бы. Спасибо, например, сказать. Вон ведь как красиво вокруг! Одно небо чего стоит! Ты попробуй его так облаками распиши, как Бог это на закате делает. Слабо? Так что спасибо, Бог. Это очень красиво. Правда.

Так же красиво, как моя мамочка стихи читает. Слушать маму и повторять за ней волшебные слова — это не печально и не трудно, а очень даже интересно.

Говорят: под Новый год
Что ни пожелается —
Всё всегда произойдёт,
Всё всегда сбывается.
Могут даже у ребят
Сбыться все желания,
Нужно только, говорят,
Приложить старания, —

нараспев произносила мама.

Вы слышали — «всё всегда произойдёт!» Это о чём? Это о чуде, конечно! Мама же не может обманывать. Значит, и правда, если чего-то очень-очень сильно захотеть, да ещё и старание приложить, то оно сбудется. Э-ге-гей! А я научусь завязывать шнурки и бантики быстрее всех. И выучу названия нот и наконец-то пойму, чем четверть отличается от половины. И бабушке больше не придётся рубить яблоки на две и на четыре части. А ещё мы все вместе поедем в Таллин, будем жить у самого замечательного дедушки Жоры, ходить с ним в зоопарк, есть мороженое, пока бабушка не видит, и ходить по Старому городу, который похож

Дочка Снегурочки

на сказку. А ещё... Нет, пожалуй, хватит. Счастье — оно жадных не любит. Надо, чтоб и другим его досталось. Тем более что у меня его хоть отбавляй. Особенно зимой. Ведь я — дочка Снегурочки, с которой счастливый праздник не заканчивается никогда.

Содержание

<i>Алиса Улычёва.</i> «Самая чудесная способность души нашей»	5
<i>Татьяна Шипошина</i> СОЛНЕЧНАЯ МОЗАИКА,	7
<i>Валентина Калачёва</i> ДОЧКА СНЕГУРОЧКИ	31
<i>Мария Волкова</i> ЦВЕТ НЕБА	40
<i>Анна Казакевич</i> САМАЯ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ	45
<i>Лариса Кравчук</i> ШОКОЛАДКИ	55
<i>Николай Дегтярев</i> НА СТАНЦИИ БАКЛАНКА.....	67
<i>Лилия Тырса</i> МИМОЛЕТНОСТИ СИБИРСКОГО ДЕТСТВА	75
<i>Роман Науменко</i> ВСПОМИНАЯ О ГЛАВНОМ	90

Содержание

<i>Наталья Колмогорова</i> БАБА ВАСЯ, СУНДУК И ШЕЛЬМА.....	98
<i>Иван Чернышов</i> ДРУЖБА	111
<i>Елена Рехорст</i> ЛАПТИ.....	119
<i>Ольга Боткина</i> ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ ДЕТСТВА.....	130
<i>Магдалина Гросс</i> ЗАСТУПНИЦА	149
<i>Наталья Бунде</i> БЕЛЁК	178
<i>Елизавета Грехова</i> ДВА БОЛЬШИХ КУСТА И ДВА МАЛЕНЬКИХ.....	186
<i>Сергей Добронравов</i> ЛЯЛИН ПЕРЕУЛОК	195
<i>Наталья Лешукова</i> БУДЕМ ЖИТЬ.....	206
<i>Виктор Казаев</i> В НОЧНОЕ.....	229
<i>Ольга Гольчикова</i> ЗНАКОМСТВО СО ХРИСТОМ	244
<i>Наталья Кравцова</i> «НЕ ПОГОВОРИЛИ...»	260

Содержание

<i>Анна Волкова</i>	
ДЕВОЧКА И МОРЕ	271
<i>Наталья Мельникова</i>	
СМЕШНОЕ НАЗВАНИЕ ШИШКА	279
<i>Алексей Ерошкин</i>	
ПИСЬМО ДЕДУ МОРОЗУ	289
<i>Светлана Пешкова</i>	
ПУТЬ МАРИИ	311
<i>Татьяна Панова</i>	
ЧАЙ СО ВКУСОМ ОБЛАКОВ.....	319
<i>Валентина Гилёва</i>	
СВЕТ РОДНОЙ ДЕРЕВНИ	332
<i>Роман Алексеев</i>	
ПЁРЫШКИ	340
<i>Владимир Анисов</i>	
ПРО СОЛДАТИКА.....	348
<i>Денис Кензин-Баландин</i>	
ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ЕЖОНОК.....	363
<i>Валентина Карпицкая</i>	
ГОРЬКИЙ.....	372
<i>Елена Самкова</i>	
ВСЕ КОШКИ ДУРЁШКИ	381
<i>Анна Кувшинова</i>	
НЕМЕЦКАЯ СКАЗКА	401

Содержание

<i>Елена Чернакова</i>	
САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕД.....	408
<i>Любовь Шубная</i>	
РАДОСТЬ ПО ОСОБОМУ РЕЦЕПТУ.....	417
<i>Михаил Подболотов</i>	
ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ	428
<i>Наталья Жалнина</i>	
ПОД ЗВЕЗДОЙ РОЖДЕСТВА.....	435
<i>Василий Миронов</i>	
ВОТ ОНА, РОДИНА	444

